ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
и современные реалии

Одно из противоречий современного мира, которому никак не найдется решения, — это противоречие между правом на свободное самоопределение народов и принципом нерушимости границ государств.

Развал СССР и связанный с ним распад мировой системы социализма, наряду со многими глобальными изменениями, инициировали процесс образования новых независимых государств. Этот процесс существенно задел Российскую Федерацию, являющуюся преемницей СССР, что с особой силой проявляется в ее взаимоотношениях с Грузией по вопросу о судьбе и статусе Абхазии и Южной Осетии. Эти республики фактически более десяти лет являются независимыми государствами. Воспользовавшись правом на свободное самоопределение, они провели референдум по вопросу о своей независимости и обратились к мировому сообществу с просьбой об их признании. Однако ни США, ни европейские государства не откликнулись на это обращение, поскольку, по их мнению, это нарушает территориальную целостность Грузии.

Результат налицо — Грузия в августе 2008 г. развернула крупномасштабную операцию в Южной Осетии, что не могло не втянуть в эти события и Россию, поскольку большинство людей Южной Осетии имеют российское гражданство. Уничтожены город Цхинвал и десятки осетинских сел, погибли тысячи мирных жителей.

В то же время США, европейские государства сделали все для того, чтобы Косово, являвшееся провинцией Хорватии, стало независимым государством. Россия, в свою очередь, под тем же предлогом, но применительно к Хорватии, отказалась признать независимость Косово. Тем самым столкнулись взаимоисключающие составные части международного права — право на свободное самоопределение народов и принцип территориальной целостности государств и нерушимости их границ. Между тем принцип территориальной целостности государств есть не что иное, как

империалистическая вставка в международное право.

Принцип территориальной целостности не состоятелен в своей основе, ибо, как показывает история, на протяжении веков одни государства исчезали, а на их месте возникали другие. Постоянных границ никогда не было и не будет. На глазах нынешнего поколения не стало СССР, развалилась Югославия, «разошлись» чехи и словаки, составлявшие единое государство. Все это произошло вопреки принципу территориальной целостности государства на основе реализации права народов на свободное самоопределение.

В устах политиков и политологов, а за ними и в средствах массовой информации, по отношению к этим и некоторым другим республикам, стремящимся к независимости, бытует термин «самопровозглашенные республики». Но разве право на самоопределение не означает самопровозглашения? Кто же, как не сам народ, должен осуществлять это право? Не Англия провозгласила независимость Североамериканских Штатов, а они сами добились свободы и независимости. Штаты выиграли войну и в результате провозгласили себя независимым государством. Таким образом, США — самопровозглашенное государство.

Право на свободное самоопределение может реализовываться в разных формах, в том числе и внутри многонациональных государств. Оно зафиксировано и в Конституции Российской Федерации. Однако на практике это право систематически нарушается. Бесконечные прокурорские протесты на законы и конституции республик, судебные разбирательства по ним, которые, как правило, завершаются в пользу федеральных законов, есть не что иное, как нарушение этого права. Запрет Татарстану на введение латинского алфавита, отмена национально-региональных компонентов в государственном образовательном стандарте, единого республиканского государственного экзамена и многое другое является проявлением вопиющих нарушений прав народов России. При этом парламенты республик превращаются в декоративное прикрытие процесса фактического превращения России, как и прежде СССР, в унитарное государство. Тем самым сводится на нет суверенитет республик и народов страны. Создание вертикали исполнительной власти, по существу, превращает в такую же декорацию и обе палаты Федерального собрания, ставшие послушным орудием в руках исполнительной власти.

При этом предаются забвению традиции парламентаризма и народного суверенитета, уходящие в глубь веков нашей истории. Русские земли призывали князей на княжение, и если они были неугодны им, они же их и изгоняли. Как писал В. О. Ключевский, во многих русских областях «стали друг против друга две соперничающие власти — вече и князь», и князья должны были считаться с вече, заключали с ним договора. Эти договора «определяли порядок, которого должны были держаться местные князья в своей правительственной деятельности»[1], что является ярким свидетельством первичности народного суверенитета на Руси.

Уже в гуннские времена собирались курултаи для решения законодательных, административных, военных и религиозных вопросов. Традиции курултаев или народных собраний были продолжены в тюркских государствах. На них обсуждались вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью, внешней политикой, проблемами войны и мира. На них же, если трон был свободным, избирали хана из представителей правящей династии. А когда происходило прекращение династии, производились выборы хана. Этот порядок сохранялся более 1 600 лет. «Ханы у древних тюрков — это не стоявшие над народом деспотические монархи, границы прав и обязанностей которых по отношению к народу не были определены. Наоборот, они были демократическими правителями, находившимися в постоянном кон-

такте с народом, имевшими по отношению к нему определенные обязанности и которые должны обеспечить и защищать материальные и духовные интересы народа»[2].

В Казанском ханстве продолжались те же традиции. Здесь курултай выступал в роли законодательного органа. В случаях междуцарствия, которые были нередки в последний период существования ханства, он приобретал даже учредительный характер. В русских источниках курултаи обозначались как «вся казанская земля», что, как совершенно справедливо писал М. М. Худяков, свидетельствовало о том, что они являлись единственными выразителями народной воли[3]. Таким образом, и в татарских государствах первичным был народный суверенитет.

Российское многонациональное государство впитало в себя традиции народного суверенитета как древних русских земель, так и древней и средневековой тюркской цивилизации. В то же время оно унаследовало черты и признаки самодержавности, которые, по существу, всегда противостояли народному суверенитету.

В определенных кругах научной общественности и политической элиты страны существует точка зрения, согласно которой Россия до 1917 г. была унитарным государством и политика большевиков по созданию национальных республик явилась огромной ошибкой. Так, бывший советник Б. Н. Ельцина С. Станкевич переход страны к федеративным принципам государственного строительства назвал «большевистскими штучками». Губернатор Пензенской области В. Бочкарев считает, что большевики тем самым заложили мину в государственное устройство[4]. В подобном духе высказывался лидер ЛДПР В. Жириновский, в частности заявивший на парламентских слушаниях по проекту закона о национальной политике Российской Федерации в 2001 г., что «национальный вопрос начиная с 1917 г. и до сих пор решается неправильно»[5].

Однако даже в более позднее время при самодержавном строе Российской империи функционировали парламенты Польши и Финляндии. Разделенный суверенитет Великого княжества Финляндского находил отражение в наличии границ, таможни, армии и своей денежной единицы. Особые статусы Туркестана, Кавказа, Казахстана, отчасти и башкирских земель носили на себе отпечаток народного суверенитета.

В общероссийском масштабе парламентаризм и народный суверенитет возродились в годы первой российской революции, когда состоялись выборы в Государственную думу. Однако самодержавная власть не хотела признавать ни народного суверенитета, ни Государственной думы и, в немалой мере, именно по этой причине потерпела крах в 1917 г. Между тем в России после революции 1905 г. возникли определенные шансы для создания баланса между народным и государственным суверенитетами. Это была упущенная для страны возможность.

Факты свидетельствуют, что федерация стучалась во все двери и окна России. С этим не могли не считаться и большевики, которые, вопреки своим принципам, в январе 1918 г. вынуждены были объявить Россию федерацией, добровольным союзом народов в лице их республик.

Всем этим вынужденным мерам, направленным на учреждение в стране федерации, противостояли известные круги большевистских верхов, стремившиеся ликвидировать национальные республики. В течение всего периода развития СССР под лозунгом расширения прав союзных и автономных республик на деле осуществлялся обратный процесс.

Эти круги, сосредоточив всю власть в руках высшей партийной инстанции, узурпировали народный суверенитет. После окончания Гражданской войны они предприняли действия, направленные на унитаризацию страны. 22 сентября 1922 г. Сталин направляет письмо Ленину (обнародовано только в 1989 г.), которое начинает словами: «Мы пришли к такому поло-

жению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т. е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нетерпимыми», — и требует прекращения, как он писал, игры в «независимость республик». «За четыре года Гражданской войны, — утверждал Сталин, — когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимовцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы». И поскольку «национальная» стихия «работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе», Сталин настаивал на скорейшей замене «формальной (фиктивной) независимости формальной же (и вместе с тем реальной) автономией», потому что через год, по его мнению, «будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»[6].

По предложению Сталина Политбюро РКП(б) приняло постановление о вхождении независимых республик в состав РСФСР, т. е. концепцию автономизации республик, являвшуюся магистральной линией на унитаризацию страны.

Эта линия была четко выражена на VIII съезде РКП(б) в выступлениях видных деятелей большевистской партии. Так, Г. Б. Пятаков назвал признание за народами России права на самоопределение «дипломатической игрой, которую в некоторых случаях надо играть», но ее нельзя принимать всерьез[7]. М. П. Томский, сказал: «Я думаю, в этом зале не найдется ни одного человека, который сказал бы, что самоопределение наций, национальное движение является нормальным и желательным. К этому мы относимся как к неизбежному злу»[8]. Н. Осинский заявил, что лозунг самоопределения «является лозунгом условным, демонстративным», к которым «мы неоднократно прибегали в первый период пролетарского движения»[9].

Преградой реальному становлению суверенитета республик и разграничению полномочий ветвей власти в них служил постоянно усиливавшийся партийный диктат, опоясавший страну снизу доверху. В каждой республике, в каждой области или крае рядом с советским управлением, а по существу, над ним, находилась партийная власть.

Условность, декоративность суверенитета, фактическая линия на свертывание прав народов, проявились и в истории создания Татарской республики.

Руководство ЦИК, более всего СНК Татарской республики, добивалось реального разграничения функций власти между обкомом партии и ЦИКом Советов и СНК. Противоборство порой приобретало трагическую остроту.

Особенно упорный характер эта борьба приобрела после назначения в 1921 г. председателем СНК ТАССР К. Мухтарова. Руководством обкома ВКП(б) борьба была оценена как групповая, «групповщина». В ней действительно присутствовали элементы групповщины. Изучение материалов партийных конференций и пленумов показывает, что борьба была за разграничение полномочий партийных комитетов и советских органов. В ее ходе национальный вопрос использовался лишь как политический инструмент.

Суть борьбы заключалась в стремлении ЦК ВКП(б) монополизировать всю власть в своих руках. И потому не случайно, что Москва постоянно меняла и секретарей обкома, и председателей Совнаркома республики. В ЦК полагали, что секретари не справляются с задачей полного подчинения руководителей советских органов, а последние не осознают, что нужно работать только под диктовку обкома партии.

1920-1930-е гг. так или иначе характеризовались борьбой за реаль-

ные права республик и разграничение функций власти партийных и советских органов. Советы, вопреки мнению быстро меняющихся секретарей обкома партии, пытались обрести самостоятельность в руководстве хозяйственной и национально-культурной жизнью. В октябре 1927 г., за месяц до созыва XIII областной партийной конференции, возмущенные единоличным руководством республикой секретаря обкома М. Хатаевича, в Москву выехали председатель СНК ТАССР Ш. Шаймарданов и председатель областной контрольной комиссии М. Ахметшин. Перед ЦК партии они поставили вопрос о необходимости согласования обкомом своих действий с СНК ТАССР и об отзыве из республики отвергающего этот принцип Хатаевича. Демарш не дал результата. Тогда за шесть дней до открытия конференции в столицу выехали уже 10 наркомов во главе с Шаймардановым. И снова перед ЦК был поставлен тот же вопрос. Эта поездка, получившая широкий общественный резонанс, вошла в историю как «стачка наркомов»[10].

С принятием конституций СССР, РСФСР и ТАССР в 1936-1937 гг. был положен конец автономным устремлениям республик в составе РСФСР. Не стало и автономных наркоматов. Отныне они превратились в наркоматы двойного подчинения. В стране четко наметилась линия на свертывание суверенных прав республик, в том числе и союзных. С появлением СССР с несущей конструкцией ВКП(б) — КПСС «воссоздается имперский центр контроля национальных окраин», «идеология пролетарского интернационализма решала традиционные российские задачи интеграции различных наций и этнических групп в едином государстве»[11].

Права республик неуклонно сужались. Их конституции, по мнению латвийского профессора А. Плотниекса, отличались от Конституции СССР только обложкой[12]. Эстонский профессор Ю. Боярс говорил, что «если бы республиканские законодательные органы имели те же полномочия, что и законодательные органы штатов, наши федеративные отношения были бы в значительно лучшем положении»[13].

Только перестройка положила начало коренным изменениям в стране. Требовалась решительная ломка установившихся унитарных взаимоотношений союзного центра и республик. СССР был лжефедерацией, основанной не столько на идее равноправия народов, сколько на союзе избранных и формально суверенных народов. В ней одни народы обладали, хотя и фиктивной, но государственностью, другие ее вовсе не имели. Неравнозначными были и существующие формы государственности. В республиках накапливалось недовольство существующей системой управления страной. Об этом свидетельствовали кровавые события в Казахстане, Нагорном Карабахе, Сумгаите, где для улаживания межэтнических конфликтов была применена вооруженная сила. Появление танков на улицах Тбилиси и Риги было грозным предзнаменованием грядущих перемен. Тогда говорили, что танки скоро появятся и на улицах Москвы. Так оно и случилось в дни путча ГКЧП в августе 1991 г.

Проявив на словах готовность к отказу от ряда ценностей прошлого, КПСС не оказалась готовой к отказу от монополии власти и решительному преобразованию СССР. Так называемая концепция перестройки, о которой говорили очень много, не содержала конкретной цели, и никто не знал о ее задачах. «У нас, — писал М. Горбачев по этому поводу, — нет готовых рецептов»[14]. Их не было ни в начале перестройки, ни в ходе ее во многом стихийной и шумной кампании. «Запоздалые и половинчатые “реформы” в области управления народным хозяйством не решали ни одну из задач, которые были призваны решить, и лишь вносили дезорганизацию в худобедно, но налаженную командно-централизованную систему управления народным хозяйством» — так оценил

начавшуюся перестройку бывший президент Украины Л. Кучма, работавший тогда руководителем крупного машиностроительного комплекса. «Про реформы 1988-1991 гг. умные люди говорили: это все равно что в условиях правостороннего движения разрешить отдельным товарищам ездить по левой стороне», — писал он[15]. В союзных республиках страны развернулась кампания провозглашения независимости, а автономные республики одна за другой принимали декларации о своем суверенитете.

В этих условиях 30 августа 1990 г. и была принята Декларация о государственном суверенитете Республики Татарстан. Подлинный парламентаризм и реальная борьба за суверенитет республики начались с принятием этого документа. Проведением референдума в республике 21 марта 1992 г. суверенитет получил всенародную поддержку. Результаты этих процессов нашли отражение в Договоре между Россией и Татарстаном от 15 февраля 1994 г. Это было подлинное проявление права народа республики на свободное самоопределение.

Последние изменения в законодательстве о порядке проведения выборов в субъектах Российской Федерации не могли не отразиться в законодательстве республик в составе России, в том числе и Татарстана. Был принят закон о приостановлении положения Конституции о выборах президента республики. Отныне президент республики должен избираться парламентом, а не прямым всенародным голосованием. Причем инициатива выдвижения кандидатов на альтернативной основе принадлежит Президенту Российской Федерации. Так, правда на безальтернативной основе, Государственным Советом РТ на новый срок был переизбран М. Шаймиев.

Президент РТ на встрече с журналистами зарубежных русскоязычных средств массовой информации в июне 2008 г. заявил, что такое положение ущемляет права республик, более всего Татарстана как республики, задающей тон в федеративном развитии России. Одновременно он опроверг распространившиеся в СМИ слухи о возможности ликвидации поста президента в республиках. М. Шаймиев напомнил, что в Конституции Российской Федерации написано, что вопросы организации внутренней власти субъектов федерации является правом самих субъектов.

Возможно, что распространение подобных слухов является проверкой реакции общественности на такой возможный шаг федеративных органов власти. Основанием для такого предположения является то, что заместитель председателя Государственной думы О. Морозов, выпускник исторического факультета Казанского университета, систематически избиравшийся в Государственную думу по татарстанскому списку, положительно отнесся к возможности ликвидации поста президента в республиках. Кажется симптоматичным молчание по этому поводу руководства «Единой России», Президента России Д. Медведева.

Радиостанция «Эхо Москвы» 20 июня 2008 г. с участием некоторых политологов попыталась представить возможную реакцию на происходящее глав субъектов Российской Федерации. Прежде всего был отмечен смелый шаг президента Татарстана М. Шаймиева, как одного из виднейших политиков современной России. Вторым противником возможных нововведений был обозначен президент Башкортостана М. Рахимов. За ними, по мнению радиостанции, могли пойти многие губернаторы. Не исключалось, что найдется немало глав субъектов федерации, готовых поддержать сохранение принципа назначаемости глав субъектов.

Отмена поста президента в республиках означала бы решительную ревизию федеративных основ России, противоречила бы признанному в Конституции праву народов на свободное самоопределение. Это было бы началом демонтажа национальной государственности народов России,

направленного на преобразование страны в унитарное государство.

А это, несомненно, чревато многими последствиями. Может произойти то, о чем предостерегал в свое время М. Султан-Галиев панрусистов, как он называл сторонников губернизации России, пытавшихся низвести республики до уровня обычных административных единиц. Он утверждал, что такая политика ведет Россию к неизбежному распаду и расчленению. «Былая Россия, восстановившаяся под нынешней формой СССР, недолговечна. Она преходящя и временна»[16].

Как и предсказал М. Султан-Галиев, СССР распался. Он действительно оказался лишь преходящей и только временной формой существования России. Вопрос в том, не распадется ли нынешняя Россия? А это может случиться, если будет продолжаться политика, направленная на ущемление прав народов, в том числе и русского народа, если не будут созданы условия для развития всех регионов страны и не будет положен конец парадоксу, заключающемуся в том, что в самой богатой в мире стране живет настолько бедный народ.

Нельзя забывать, что история жестоко наказывает тех, кто не хочет у нее учиться. А учит она только тех, кто хочет усваивать ее уроки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. – М., 1987. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 198-199, 201-202.
2. Садри Максуди-Арсал. Тюркская история и право. – Казань, 2002. – С. 227.
3. Худяков М. Очерки истории Казанского ханства. – Казань, 1990. – С. 190-191.
4. Российская газета. – 2000. – 12 января.
5. О проекте Федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации». Материалы парламентских слушаний. Издание Государственной думы. – Москва. – 2000. – С. 50.
6. Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 5. – С. 155-156.
7. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. – М., 1959. – С. 80-81.
8. Там же. – С. 82.
9. Там же. – С. 90.
10. Стенографический отчет заседаний XIII областной партийной конференции. (23-29 ноября 1927 г.) – Казань, 1927. – С. 236-237.
11. Богомолов С. А. Российская и Британская империи: компаративный анализ геополитических моделей. — Проблемы российской государственности: вопросы истории, теории, практики. Сборник научных трудов. – М., 2004. – С. 79.
12. Коммунист. – 1989. – № 6, – С. 75.
13. Там же. – № 1. – С. 74.
14. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М., 1987. – С. 62.
15. Кучма Л. Украина — не Россия. – М., 2003. – С. 417-418.
16. Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды. – Казань, 1998. – С. 538.

Индус Тагиров,
доктор исторических наук